

Глава 9

МИФ И МАГИЯ

Магия между мифом и суеверием

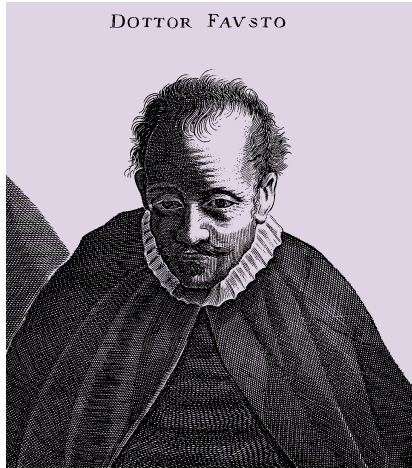
В древних мифах не проводится граница между колдовством и чародейством. Это потом, уже в позднем Средневековье, складывается устойчивое мнение, что только маги могут предсказывать будущее и подчинять себе демонов, в то время как ведьмы лишены такого дара. В скандинавской мифологии колдунья не только могла творить чудеса, используя заклинания, но и нередко выступала в роли мистической провидицы, подобно вэльве. Правда, древние германцы их все-таки различали по генеалогическому признаку: в «Песни о Хюндле» вэльвы, пророчицы и чародеи названы потомками великанов, а всех ведьм на свете породил Локи, когда съел сердце злой женщины. Привычный нам образ мага возникает, по всей видимости, под влиянием не скандинавских, а библейских и античных мифов. Самый известный сюжет — о трех волхвах, которые пришли в Вифлеем из Персии, чтобы поклониться новорожденному младенцу Христу, и принесли с собой в качестве символических даров ладан, золото и смирну. Их имена — Мельхиор, Каспар и Валтасар (Бальтазар) — даже у современных знахарей считаются волшебными, они защищают жилища от посягательств грабителей и нечистой силы, поэтому их инициалы наносят на амулеты или пишут над входной дверью.

В «Деяниях апостолов» упоминается другой маг по имени Симон-волхв. О нем пишут следующее: «Находился же в городе некоторый муж, именем Симон, который перед тем волхвовал и изумлял народ Самарийский, выдавая себя за кого-то великого.

Ему внимали все, от малого до большого, говоря: сей есть великая сила Божия. А внимали ему потому, что он немалое время изумлял их волхвованиями». Однажды Симон стал свидетелем того, как снизошел Дух Святой, когда апостолы Петр и Иоанн возложили руки на принявших крещение самарян. И захотел он совершать подобные чудеса, принес апостолам деньги, чтобы те поделились даром, но они отказались, сказав: «Серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги. Нет тебе в сем части и жребия, ибо сердце твое неправо пред Богом». По другим источникам известно, что Симон все же овладел многими секретами древнейших магов и удивлял окружающих всевозможными трюками⁸⁸:

Симон уверял, что он может делаться невидимым в случае опасности и снова являться в видимом образе; может прорываться через горы и скалы, бросаться с высоты, поддерживаемый на воздухе небесными силами, чудесно освобождаться из уз, из заключенной темницы; может бездушные истуканы превращать в живых людей, вызывать чародейством из земли цветущие деревья и кустарники; далее проходить через огонь, совершенно изменять физиономию, удваивать ее, даже превращаться в овцу, в козла, с козлиной бородой и мордой, на отроке заставить расти бороду, летать по воздуху, делать золото и пр.

Совершал же он чудеса нечистою силою: подчинив своей воле демонов, он приказывал им незаметно выполнять различные фокусы, чтобы люди верили в его волшебные силы и возносили как нового Мессию. Финал у подобных историй бывает трагическим, магов разоблачают, лишают дара, а подчас и жизни. И Симон, покинутый служившими ему демонами, не мог более чародействовать, «так что даже сам разбитый и искалеченный должен был кончить дни свои, как ни старался натиранием масла вылечить свою болезнь».

Доктор Фауст

Добавим одно важное уточнение: чтобы быть ведьмой, необходимо обладать врожденной способностью к колдовству и пройти своеобразный обряд инициации, а вот магами не рождаются, ими становятся, причем путем самостоятельного обучения.

Позднеантичные представления о магах нашли дальнейшее развитие в немецких народных книгах. Самая известная связана с историей жизни доктора Фауста, реального исторического персонажа, чья биография в более позднее время обрастает массой фантастических деталей. Он также заключает пакт с дьяволом, заставляя служить себе, но делает это не из-за комплекса помазанника-самозванца: будучи страстным ученым, он желает познать все тайны природы и ищет способы для достижения этой цели. Он увлекается магией, путешествует, изучает халдейские, персидские, арабские и греческие книги по волшебству, практикуется: «Окрылился он как орел, захотел постигнуть все глубины неба и земли. Ибо любопытство, свобода и легкомыслие победили и раззадорили его так, что стал он однажды испытывать некоторые волшебные слова, фигуры, письмена и заклания,

чтобы вызвать тем самым черта»^{*},⁸⁹. Фауст добивается от злого духа по имени Мефистофель согласия быть ему «подвластным и послушным» следующие двадцать четыре года, в течение которых он смог бы «исследовать первопричины всех вещей»; взамен же — по истечении указанного срока — он обязуется предать воле дьявола свою плоть, кровь, душу и имущество. И цель, как полагает наш великий ученый, оправдывает средства:

*Но тот, кто магом совершенным стал,
Имеет власть во всем подлунном мире.
Могущественный маг подобен Богу.
Итак, свой разум, Фауст, изощрай,
Стремясь божественной достигнуть власти**.*

Наибольшую популярность народные книги о магах достигли в XVI веке, тогда же сформировался и тот самый портрет типичного чародея, который не изменился вплоть до наших дней: «Фауст — седой старик, прямой и высокий. На голове его расшитая золотом бархатная шапочка, из-под которой падают белоснежные кудри; длинная борода покрывает верхнюю часть груди. Лицо доброе и приветливое, чрезвычайно подвижное, часто с оттенком величавого самодовольства. Совсем молодые, темные глаза смотрят из-под красиво очерченных черных бровей. Одет в длинный бархатный доломан синего цвета. Рукава обшиты кружевом, руки тонки и нежны»⁹⁰.

Просветители против чародеев

На исходе эпохи Просвещения рассказы о магах и ведьмах уже считались не более чем суеверием. Декриминализация лиц, подозреваемых в колдовстве, привела к пересмотру отношения

* Перевод Р. Френкель.

** Перевод Е. Бируковой.

к магам и магии; до этого — в традиции средневекового богословия — магия и колдовство если и не отождествлялись, то рассматривались в одной увязке. В особенности это касалось вопроса о союзе человека с дьяволом как обязательном компоненте колдовской или магической деятельности. Об этом иронично пишет один из представителей немецкого просветительского богословия Бенедикт Пойгер в 1784 году⁹¹:

Что такое магия? Прежде чем мы начнем искать ее в Писании, нам нужно самим определиться. Для наших богословов магия — это союз с дьяволом. Пакт с дьяволом, следовательно, считается основой магических действий. Среди современных философов, кажется, установлено, что подобный пакт, который так сильно противоречит промыслу Божьему, никогда не существовал. Мы хотим рассмотреть и проанализировать каждое место в Писании, из которого те, кто верит в колдунов и ведьм, черпают поддержку для своих утверждений. И вот тогда станет ясно, что вся магия — это обман и суеверие.

Эпоха Просвещения с ее стремлением к объективному познанию мира, кажется, должна была полностью изгнать магию из сферы общественной жизни. Однако просветительский рационализм вполне себе мог соседствовать с интересом ко всему необычному и загадочному, что на первый взгляд казалось ненаучным. Магия, лишенная своего прежнего сакрального и отчасти пугающего статуса, претерпевает в это время любопытную трансформацию: она находит новые формы существования и каналы распространения. К примеру, веками существовали фольклорные сказания о магах и колдунах. Переосмысливая эти истории, писатели часто адаптировали их под реалии своего времени, добавляя элементы иронии или, наоборот, романтизируя образ чародея. Конечно, находилось место и для сатирических изображений — например, в романе Мартина Виланда

«История абдеритов», напечатанном в 1774 году, магия становится метафорой человеческих предрассудков. Виланд изобразил типичного ученого-естествоиспытателя эпохи Просвещения по имени Демокрит, который после двадцатилетнего отсутствия возвращается на родину, но контакт со своими соплеменниками никак не складывается, он слывет чернокнижником, в пользу чего местные жители приводят ряд «неоспоримых» доводов⁹²:

Демокрит исследовал природу вещей и замечал причины определенных природных явлений несколько раньше абдеритов — следовательно, он был волшебник. Он мыслил обо всем иначе, чем они, жил по другим правилам, проводил время в уединении непонятным для них образом — следовательно, в его голове было что-то не в порядке. «Он стремился отыскать философский камень, и он открыл его и получил золото», — утверждал некий Боррихий*.

По описанию видно, что Демокрит действительно олицетворял знакомый нам образ ученого, чья деятельность вызывала разные абсурдные предположения. Так, абдериты говорили, что Демокрита всему научили персидские маги, к тому же он побывал в странах Востока и общался там с жрецами, которые посвятили его во все их мистерии. Из путешествий он привез тысячу тайн и знания о потустороннем. Все это, по мнению его соотечественников, убедительно доказывало, что Демокрит был искуснейшим из всех живущих магов. Более того, когда он то ли в шутку, то ли всерьез проделывал с ними какое-то действие или показывал трюк, похожий на магический ритуал, это только усиливало «волшебное» впечатление: «Он предсказывал солнечные и лунные затмения, неурожай, эпидемии и прочие будущие явления. Одной распутной девке он предсказал по руке,

* Перевод Г. Слободкина.

что она родит; а одному абдеритскому советнику, вся жизнь которого распределялась между сном и пиршествами, что он умрет от несварения желудка. И представьте, оба пророчества сбылись точно!» Помимо сказанного абдериты находили у него книги с загадочными письменами, самого же ученого частенько заставляли за какими-то странными, по-видимому, магическими опытами с животными, птицами и подозрительными травами.

Литературный канал распространения магии позволял авторам не только развлекать читателей, но и критиковать общественные пороки. Так сохранялся интерес к магической тематике уже в более приемлемом для просвещенного общества формате. Книгоиздатели, ориентируясь на спрос, выпускали книги о магии, алхимии и псевдонаучной медицине. Это создавало специфический «магический» сегмент книжного рынка. Коммерческий успех такой литературы не всегда означал ее одобрение со стороны интеллектуалов. Многие просветители критиковали подобные издания за распространение суеверий. Тем не менее «волшебные» книги продолжали выпускать, поскольку они приносили прибыль. Это создавало парадокс: с одной стороны, магия осуждалась как пережиток прошлого, с другой — она оставалась частью культурного потребления. Кстати, такой видный просветитель, как Фридрих Николаи, был известным издателем книг по магии и в то же время выпускал один из влиятельных просветительских журналов Германии, то есть использовал публицистический рычаг влияния и для осуждения общественных нравов, и как инструмент борьбы с конкурентами на книжном рынке.

Часть просветителей активно выступала против магических практик и осуждала шарлатанов, которые наживались на невежестве народа. Однако именно борьба с суевериями поддерживала дискуссию о магии, делая ее предметом научных дебатов и общественного интереса. В послании к вымышленному другу один анонимный автор на страницах просветительского журнала

Демокрит среди адберитов. Франсуа-Андре Винсент, ок. 1784

«Гиперборейские письма» вопрошает в духе Пойгера: «Что есть магия, Ксантус? Тайное умение творить то, что не может природа? То есть творить невозможное?» Ответ приходит от другого автора, Максимилиана Видмера, составителя учебника для студентов о том, как с пользой прожить жизнь: «Магия есть собирательное обозначение всех естественных и математических наук в тех случаях, когда конечной целью оных является демонстрация перед непосвященной публикой приемов, похожих на чудеса и трудно постижимых необразованным умом»⁹³. По сути, Видмер признает только один вид магии — *magia naturalis*, основанную на знании законов природы и их использовании. Естественная магия позволяет человеку гармонично взаимодействовать с природой, раскрывая ее скрытые силы и тайны; она не связана с демоническими силами и не противоречит установленному

порядку вещей. В отличие от автора гиперборейского письма Видмер в полном восхищении от магии, он предваряет свои наставления таким текстом:

О Магия, величайшая из наук! Только ты в темном и богатом лесу природы хранишь самый чистый источник, который физика до сих пор собирала по капле на благо и счастье всего человечества и который за несколько тысяч лет превратился в общественный пруд. Магия! Чудесная игра сладкой природы!

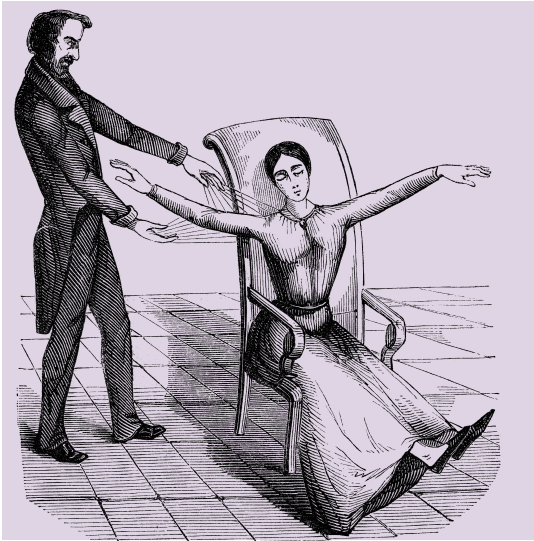
Что же такое магия? Этим вопросом задавались на всем протяжении XVIII века. В целом, как показано выше, понимание о магии как о познавательной деятельности сложилось еще в позднем Средневековье и раннем Новом времени и продолжало тиражироваться вплоть до середины XVIII века, когда мы еще находим точное изложение разветвленной классификации ее видов в духе Джордано Бруно. Но уже во второй половине столетия происходит кардинальное переосмысление этого понятия. Оливер Хохадель исследует трансформацию жанра «естественной магии» и приводит как пример труды Иоганна Марциуса (его книги многократно переиздавалась в промежутке между 1700 и 1751 гг.)⁹⁴. В начале эпохи Просвещения этот жанр печатной продукции представлял собой сборник магических рецептов, инструкций, разного рода толкований, часто сочетавших научные и псевдонаучные элементы. Это были беспорядочно собранные и плохо структурированные компиляции. Иоганн Виглеб и Готфрид Розенталь в 1779 году полностью переработали книги Марциуса, лишив их мистицизма и превратив в сборник развлекательных научных экспериментов с оптикой, механикой, химией. Жанр «естественной магии» всего за четверть века полностью изменил свое содержание и функцию и превратился в средство популяризации науки, в полезное развлечение, свободное от суеверных элементов. Причем издатели уже предполагали наличие

у своих читателей просвещенного понимания природы и науки, поэтому обращались к ним как к подготовленной публике.

В периодике регулярно публиковались статьи, изобличающие магические практики и шарлатанство. Их количество свидетельствует о популярности «магической» темы в немецких просветительских изданиях. Конечно, людям просвещенным магия представлялась тяжелым недугом, даже эпидемией, поразившей все общество. Вот как это описано в одном из первых номеров журнала «Берлинский ежемесечник»:

Я знаю, мой дорогой друг, что вы, подобно многим мыслящим людям, считаете магию одной из пагубнейших болезней среди множества душевных недугов, к которым можно отнести и обширное семейство суеверий. Без сомнения, вы не раз желали, чтобы лечение человеческого разума было дополнено надежным и универсальным методом исцеления, с помощью которого это изнуряющее и в своих приступах опасное зло могло бы быть искоренено. Я знаю лишь один такой метод. Подобно тому как для сохранения и восстановления здоровья тела необходимы диета, чистый воздух и умеренные физические упражнения, так только трезвость ума, общение с людьми ясного разума и умеренное упражнение душевных сил станут надежными средствами для сохранения и восстановления здоровья духа.

Типичным симптомом этого страшного недуга, по мнению просветителей, была слепая вера в силу псевдоцелителей. Большая часть антимагических статей посвящалась как раз разоблачению их сеансов. Пример массового помешательства на псевдомедицине приводит главный редактор «Берлинского ежемесечника» Иоганн Бистер. Шарлатаны утверждали, что подобно магам они обращались к тайным силам природы, с помощью которых исцеляли людей. В одной из публикаций описывается явление некоего «лунного доктора» по имени Вайследр, про которого рассказывали,

Месмерист, использующий животный магнетизм
для воздействия на женщину, 1845

что он излечивал болезни лунным светом. Происходило это в Берлине в конце 1780-х годов, сопровождалось неслыханным ажиотажем во всех слоях населения, вплоть до высшей прусской знати. Но, пожалуй, самой острой была полемика вокруг месмеризма, или учения Франца Месмера о «животном магнетизме», которое возникло в 1770-е годы и тут же приобрело широкую популярность, интерес к нему не спадал вплоть до 1840-х годов. Месмеризм представлял собой нечто вроде лечения гипнозом, которое сопровождалось магической театрализацией.

Многие великие умы, включая Иммануила Канта, считали месмеризм псевдоучением и разоблачали методы Месмера с помощью науки, показывая, что его «чудеса» иллюзорны, ибо основаны на внушении и обмане. Научное опровержение всех подобных случаев заключалось в том, что ученые-критики сами принимали участие в магических представлениях как пациенты,

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

